

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Дизайн обложки — *Екатерина Елькина*

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Рыцарь нашего времени : [роман] / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-117880-2

К частному сыщику Сергею Бабкину обращается за помощью человек, который называет себя Ланселотом. Он очень похож на рыцаря нашего времени, только проблемы у него не рыцарские: вокруг него необъяснимым образом меняется пространство.

Разве такими вещами должен заниматься сыщик?!

Но на его глазах Ланселот погибает...

И Сергей берется за расследование этого странного убийства, даже не подозревая, что это тоненькая ниточка от огромного клубка, который называется Прошлое.

А в клубочке так много зависти, ненависти, обмана и непрощенных обид.

Рыцарь блекнет и теряет лицо, а маленький незаметный Паж подхватывает рыцарское знамя, чтобы достойно нести его дальше.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117880-2

© Михалкова Е.
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*И одним только был я недоволен,
дописав последнюю строку, — тем, что
самому непроницательному читателю
быстро стало бы очевидным, кто пре-
ступник в этой странной истории.*

Э. Лири.

«Тот, кто спрятался за тисом»

ГЛАВА 1

Нестандартный клиент — так сказал Макар. Но объяснять, в чем именно заключается нестандартность, не пожелал, ограничившись коротким «сам увидишь». И, как обычно, оказался прав, хотя Сергей с недоверием отнесся к его диагнозу, поставленному после короткого телефонного разговора.

Гость наклонил голову, прищурился, и Сергей подумал, что тому не хватает секиры и шлема. «Получился бы гном, настоящий рыжий гном. Один взмах секирой — одна голова долой». Силотский взглянул на него, и Бабкин отогнал дурацкие мысли: нужно работать, а не фантазировать.

На самом деле Дмитрий Арсеньевич походил не на гнома, а на русского богатыря, поскольку был высок и статен. Вместо полагавшейся кольчуги на нем была короткая кожаная куртка-косуха, которую он не снял, даже войдя в квартиру, и кожаные же штаны — старые, с благородными потертями на коленях. Шлем Лан-

селот положил на стол, и тот отсвечивал красноватым светом, когда из-за весенних темных туч проглядывало солнце и лучи падали на блестящую поверхность.

Крепко сбитый, широкоплечий, с рыжими волосами, бородой и курчавыми бакенбардами, обрамлявшими его широкое загорелое лицо так, что, казалось, оно выглядывает из рамки, Дмитрий Арсеньевич с порога сообщил, что его можно называть Ланселотом, потому что с пятого класса его по-другому не зовут. Он вообще быстро перехватил инициативу, без подсказок разобрался, кто из двоих Сергей Бабкин, а кто Макар Илюшин, выбрал себе не стул, на который обычно сажали клиентов и который Макар именовал инквизиторским, а удобное кресло, не поленившись передвинуть его от окна к столу. «Непринужденный товарищ», — подумал Бабкин, рассматривая гостя. Пока он еще был гость — не клиент, и неизвестно, перейдет ли во вторую категорию. В этом вопросе все зависело от Илюшина, который внимательно слушал Силотского, время от времени покашливая и морщась — на апрельском ветру он простудил горло, к врачам идти категорически отказался и лечился какими-то пастилками — без малейшего успеха.

Они уже знали, что сидящий перед ними веселый рыжий бородач, прикативший на мотоцикле, — глава компании «Броня».

— Двери я выпускаю, бронированные двери, — говорил Дмитрий, наклонившись к Макару и рисуя для убедительности указательным пальцем прямоугольник в воздухе. — Хорошие, скажу честно. И ставлю разнообразные охранные сигнализации, от незамысловатых до самых сложных. За пять лет с нуля фирму поднял, теперь думаю, что дальше делать. Надоедает на одном месте сидеть, одним делом заниматься. Кем я только не был!

Ланселот начал загибать пальцы, поросшие красноватыми волосками.

— Начал я с того, что в театре «кушать подано» говорил. Хотел актером стать, да быстро раздумал.

— Что вы заканчивали? — поинтересовался Макар.

— Театральное училище в Нижнем. Пока учился, освоил фортепьяно, гитару, тромбон... В общем, на чем угодно могу помаленьку играть. Говорят, неплохо получается. В театре повертелся, принюхался и решил бросать это дело, пока не затянуло. Устроился лабухом в ресторанчике. Ох, и лихо мы тогда играли! — Силотский довольно усмехнулся в бороду. — Деньги начали зарабатывать, а на самом пике я снова не выдержал — бросил группу, устроился — вы не поверите! — грузчиком. Ей-богу, не вру! Захотелось себя попробовать, силу свою, что ли... Ну да идиотское это занятие я бросил через неделю, подался на юга с археологической экспедицией. Им как раз люди нужны были. Интересно до чертиков! А затем вернулся — и официантом в ресторан.

— Эх, как вас пошвыряло, — не удержался Сергей.

— Нет, это не меня швыряло, — покачал головой человек, называвший себя Ланселотом. — Это я сам себя швырял. Я, знаете, с юности чувствовал, что не могу долго на одном месте находиться, душно мне становится, тяжело. Как будто трясина засасывает, стоит осесть где-нибудь. Потихоньку научился всякие подсказки из воздуха ловить. И ведь ни разу они меня не обманули!

— Какие подсказки из воздуха?

Гость задумался, но ненадолго, и поднял на Макара веселые голубые глаза.

— Раз про официанта речь зашла, скажу вот что: трудился я в «Нимфе», это был ресторанчик полубандитского пошиба с соответствующей клиентурой. Если и захаживали туда люди приличные, то исключительно по незнанию, и второй раз возвращаться не торопились. Хотя кухня была отменная, да и нас, официантов, вышколили так, что все по струнке перед клиентами

ходили. Сколько я там типажей насмотрелся, каких разговоров наслушался — об этом можно отдельную книгу написать. Может, когда и напишу. Так вот, работал я там, и на чаевых неплохо жил. Откладывал помаленьку — была у меня одна задумка... Ну да сейчас не о том. Я для себя так решил: еще полгода продержусь — и буду что-то новое подыскивать. А в тот вечер несу заказ — как сейчас помню, котлету по-боярски заказали, — и возле одного столика нога у меня — раз! — и едет по полу. Там, оказывается, кто-то случайно плеснул воды, а убрать не успели. Чувствую, сейчас упаду на клиента, и котлетка моя будет у него за шиворотом.

— Упали?

— Удержался! — с гордостью ответил бородач. — И тарелку удержал, как циркач, ей-богу. Так ловко сманеврировал — клиент на меня и внимания не обратил. Я возле него задержался и слышу, он говорит приятелю: хватит баловаться, иначе у нас с тобой могут быть кривые проблемы. Слово-то какое подобрал неподходящее, царапающее — «кривые»! И, знаете, мне показалось, будто он мне это говорит. Даже не по себе стало. Обслуживаю я другие столики и чувствую — колотит меня, руки трясутся. Паршиво-препаршиво, и в голове крутится: «иначе у нас с тобой могут быть кривые проблемы». И так на меня это подействовало, что я не выдержал: остановился возле одного клиента, который собирался стопочку перед салатом опрокинуть, вынул у него рюмку из рук и выпил сам. До того мне паршиво стало.

— Вас должны были расстрелять на месте, — рассмеялся Макар.

— Это точно! Метрдотель потом кричал: «Ты что же, сволочь, до кухни не мог подождать?! Я б тебе там лично налил, раз невтерпех!» А что я ему объяснил бы? Что у меня в животе словно гирю свинцовую уронили после того, как я слова того мужика услышал? В общем, рас-

стрелять не расстреляли, но вышибли, конечно, пинком под зад.

— Полагаю, вы не очень огорчились? — полюбопытствовал Илюшин, приглядываясь к возможному клиенту. — У меня как-то не вяжется ваш облик с образом официанта. Отчего вдруг вы решили поработать в ресторане? Из интереса, изучать типажи посетителей?

— Так и у меня не выдался! — хохотнул Силотский. — Нет, не для интересу, признаюсь. Это я себя испытывал — смогу через такое испытание пройти или нет. Испытание — потому что мне, признаться, не по вкусу других обслуживать, а в те годы я и вовсе считал это унижением. С возрастом-то поумнел, конечно... А тогда мне пришлось себя заставлять, и я даже некоторое удовольствие стал находить в том, чтобы угождать другим. Что-то вроде игры с самим собой, знаете... Но закончилась моя игра после той выходки с водкой!

— И что же было потом, после того как вас уволили? — спросил Бабкин, с интересом слушавший рассказ.

— А потом вот что, — посерьезнел Силотский. — На следующий вечер, как раз когда моя смена была, остановились три джипа возле «Нимфы». Вышли из них люди с автоматами, зашли в ресторан и постреляли.

— В воздух, попугать, или...?

— Кто в воздух, а кто «или». Восемь трупов вынесли потом из «Нимфы», из них четверо официантов. Вот так-то! Хозяин ресторана кому-то не угодил, я уж в этом не разбирался. С тех пор я к таким подсказочкам ой как серьезно отношусь! Они, можно сказать, всю мою жизнь направляют.

— Вы поэтому обратились к нам? — проницательно спросил Макар.

Силотский бросил на него быстрый взгляд и кивнул.

— Да. Меня многие считают странным — вроде как несolidно бизнесмену косить под байкера и увлекаться

фантастикой. — Он улыбнулся во весь рот, пожал плечами. — Ну что ж поделать, вот такой я человек. Мои сотрудники про меня думают, что я слегка чокнутый, а я на них смотрю и не понимаю: как можно такой скучной жизнью жить? Каждый день десять лет подряд одно и то же — ну и кто после этого чокнутый, я или они?

— А почему они так считают? — не понял Сергей. — Из-за мотоцикла? Из-за того, что профессии часто меняли?

— Да нет, — поморщился Силотский. — Объясню: я с детства люблю читать. Раньше все подряд глотал, а лет восемь назад подсел, как сейчас принято выражаться, на фэнтези и фантастику. И в один прекрасный момент вдруг понял: это ж все правда!

— Что — правда? — осторожно уточнил Бабкин.

— Да все, что в книгах описано. В хороших, само собой. Ничего там авторы не выдумывают, а списывают, как говорится, с натуры.

В комнате повисло молчание. Силотский безмятежно смотрел то на одного сыщика, то на другого, ожидая их реакции. Сергей подумал было, что их клиент действительно нестандартен в том смысле, насколько нестандартны могут быть шизофреники, но в следующую секунду признал, что Дмитрий Арсеньевич на сумасшедшего ничуть не похож.

— Вы хотите сказать, что существует мир Дозоров, который описывает Лукьяненко? — совершенно серьезно спросил Макар. — И существует не потому, что его описал хороший фантаст, а изначально, сам по себе?

— Именно! И Тайный Город Вадима Панова — тоже! — обрадованно подхватил Силотский, довольный тем, что его так быстро поняли. — Вот что хотите со мной делайте, а я знаю наверняка: есть он, есть. Некоторым людям дано видеть кое-что... особенное. Если среди таких людей попадается писатель, он начинает описывать то,

что увидел или почувствовал. Так и получается фэнтези. Вы же не будете отрицать, что мир Среднеземья существует? Конечно же, Толкиен его не выдумал, а срисовал практически с натуры, но с натуры, видимой лишь ему одному!

«Толкиенутый, — поставил Бабкин свой собственный диагноз. — В свободное от бронированных дверей время бегают по лесам и отлавливают эльфов. Ролевик».

— Вот только не нужно причислять меня к ролевику, — немедленно попросил рыжебородый, словно прочитав его мысли. — Эти суррогаты мне не интересны. Мне достаточно чистого знания о том, что рядом с нами существуют параллельные миры, и этих миров неисчислимое множество.

— У вас есть какие-то доказательства, кроме голоса интуиции? — заинтересовался Илюшин.

— Как вы думаете, почему Вадим Панов недавно сменил квартиру? — в ответ огорошил его Силотский. — Отличную просторную квартиру в хорошем районе... Почему, а? Да потому, что рассказал то, что не стоило рассказывать. Навы не любят, когда рассекречивают их адреса, а Панов в своих книгах не удержался и был откровенен, слишком откровенен.

— Вы хотите сказать, — медленно спросил Бабкин, — что писателя Вадима Панова преследуют те, кого он описывает? Дмитрий Арсеньевич, вы серьезно?

— А вы знаете, что его машина увешана артефактами? — усмехнулся тот. — Настоящими артефактами, дающими защиту в том числе и от проникновения. Почему, вы думаете, никто не смог ее угнать? Хотя пытались, я знаю точно, пытались неоднократно! Нет, Панов знает, о чем пишет.

Бабкин пригляделся к Силотскому внимательнее, надеясь уловить в его глазах нездоровый блеск или хотя бы намек на одержимость, но перед ним сидел спокой-

ный улыбающийся человек, производивший впечатление вполне здравомыслящего.

— Так, — помолчав, сказал Макар. — Давайте вернемся к причине, по которой вы обратились к нам.

— Жамэ вю. Это — первая причина.

— Что? — не понял Сергей.

Он взглянул на напарника, но тот понимающе кивнул.

— Вы не думаете, что с этим стоит обращаться к психологам, а не в частный розыск? — спросил Илюшин.

— Уверен. — Силотский потерял бороду, хотел добавить что-то еще, но сдержался. — Вам кажется, что я не в себе? Может быть, это именно та причина, по которой я пришел к вам, а не к врачам. Я не уверен, что это — только у меня в голове.

— Прошу прощения, что такое «жамэвю»¹? — не выдержал Бабкин.

— Противоположность «дежавю»², — объяснил Макар, откашлявшись. — Знакомые ситуации кажутся незнакомыми. Человек может тысячу раз ходить одной дорогой, а на сто первый почувствовать, что он никогда не был в этом месте.

— Вот-вот, вы все правильно объяснили, — обрадовался Дмитрий Арсеньевич. — Это именно то, что происходит со мной. У меня ощущение, что я ставлю мотоцикл на стоянку, но дорога до подъезда — не та, которой я проходил позавчера. Подъезд — не мой, незнакомый. Вроде все то же самое, но я чувствую, что стою в другом месте, где не был раньше.

— Давно у вас это началось?

— Не очень... должно быть, с месяц назад. Я в последнее время размышлял над тем, чтобы продать фирму, — она стала слишком благополучной, катится ровненько по рельсам, которые я для нее проложил, и больше ничего

¹ Жамэ (*франц.* — jamais) — никогда.

² Дежа (*франц.* — déjà) — уже.

не требует. А мне это скучно. Честно говоря, я ждал, как обычно, чего-то вроде подсказки из тех, о которых я вам рассказывал, но подсказки не было, и я решил, что оно и к лучшему: в конце концов, мне тридцать пять лет, и, возможно, уже стоит остепениться. И тут начались эти фокусы с «жамэ вю».

— А мы-то чем можем вам помочь? — не выдержал Бабкин.

— Вы — независимые люди, — не задумываясь, ответил Силотский. — Не пойдете у меня на поводу, потому что я ваш босс. Не будете мне противоречить, как моя жена или друзья, из одного только принципа.

— Мы не можем подтвердить или опровергнуть то, что у вас в голове.

— Вы можете дать объективную оценку: вот на этой улице, товарищ Ланселот, все в полном порядке. Тогда я решу, что у меня и в самом деле началось расстройство, и пойду ко врачу. Но до этого я хочу проверить все-все! К тому же есть еще кое-что, и это — вторая причина, почему я обратился к вам.

— Что? — насторожился Илюшин.

— Мой заместитель пропал два дня назад. Бесследно исчез. Если меня правильно информировали, вы беретесь за розыск пропавших людей, не так ли?

* * *

Сергей Бабкин шел осторожно, сторонясь редких машин, из-под колес которых летела жирная грязь — дорога на этом участке была вся в рытвинах.

— Самому не нравится здесь ходить, — подал голос Силотский, бодро шагавший позади него. — А что делать? Район новый, переехали сюда с женой недавно. Вот и топаю каждый день от стоянки до подъезда, путь срезаю.

Бабкин злился про себя на роль, навязанную ему Макаром, — Илюшин настоял на том, чтобы напарник прошел до дома с потенциальным клиентом и обратил внимание на все необычное, что попадетсЯ по пути. Зачем — не объяснил, и Сергей, старательно осматривая окрестности, теперь чувствовал себя глупо.

Кирпичные новостройки — неплохой район, но совершенно безликий, как и десятки ему подобных. Желтый кубик детского сада, вокруг которого толпятся, нависая, дома. Скромные палисадники, где среди начинающей зелени травы торчат невысокие кустики с красноватыми ветками и тонкие саженцы березок и рябин. Рекламный щит с девушкой, улыбающейся отбеленной улыбкой. Магазинычок под вывеской «Мини-маркет», а рядом с ним химчистка. Все стандартно, все как обычно, и ничего не привлекает внимания, кроме бездомной дворняги, лежащей на асфальте, разрисованном мелкими неумелой детской рукой.

— Каждый день вижу эту собаку — ее подкармливают жильцы и дворник, — глухо сказал сзади Дмитрий Арсеньевич. — И всю последнюю неделю мне кажется, что они кормят другого пса, а не того, первого. Я понимаю, что этого не может быть, но ничего не могу с собой поделать. Он отзывается на кличку... и выглядит так же...

Бабкин бросил изучающий взгляд на пса, но промолчал.

— Может быть, один из тех соседних миров, о которых я вам говорил, приоткрывается и мне? — задумчиво бормотал Силотский в рыжую бороду. — Черт возьми, неужели это и в самом деле та подсказка, которой мне так не хватало? И зря я впутываю вас в это дело...

«Зря, конечно, — подумал Сергей, но благоразумно промолчал. — Тебе бы врача впутывать, а не частных сыщиков».

— Но Вовка... Вовка-то пропал! — продолжал Дмитрий Арсеньевич. — Что прикажете с этим делать?

— Думаете, ушел в параллельный мир? — не сдержался Бабкин.

Бородач в ответ хохотнул, ничуть не обидевшись, покачал головой.

— Вовка не из таких. Такой в параллельный мир не уйдет, даже если перед ним открыть дверь. Он, как и мой хороший друг Дениска Крапивин, — человек без фантазии. Ни капли воображения нет! Пытался я ему что-то объяснить, показать — бесполезно. Но мужик он отличный, просто замечательный.

Сергей остановился, посмотрел на Силотского. Приняв его взгляд за одобрение, тот начал, жестикулируя, рассказывать о своем заместителе и дошел до какой-то забавной истории, приключившейся с ними перед последними праздниками, но тут пес возле подъезда встал, потянулся, далеко вытянув передние лапы, и потрусил к соседнему подъезду. Проследив за ним взглядом, Ланселот оборвал свой рассказ, и улыбка исчезла с его лица.

— Не мог Володька просто так исчезнуть, — сказал он, прямодушно глядя на Бабкина яркими голубыми глазами. — Ей-богу, не мог! Он человек хороший, порядочный, хоть и бука известная. Что-то с ним случилось... Макар Андреевич — дельный специалист, правда ведь?

— Очень, — искренне ответил Сергей, внутренне ухмыльнувшись «дельному специалисту». — Дмитрий Арсеньевич, где ваш подъезд?

— Да вот он, мы почти пришли. — Силотский показал на выкрашенную в ярко-зеленый цвет дверь.

— И у вас по-прежнему есть это ощущение... жамэвю?

— Нет, сейчас исчезло. Возможно, это оттого, что мы с вами разговаривали.

— Возможно. Ну что же, давайте посмотрим на вашу квартиру.